

И.Г. Прыжов

**История кабаков в России в
связи с историей русского
народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Г. Прыжов**
История кабаков в России в связи с историей русского народа / И.Г. Прыжов –
М.: Книга по Требованию, 2018. – 292 с.

ISBN 978-5-518-08285-4

ISBN 978-5-518-08285-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Исторія кабаковъ въ Россіи.

I.

Черты старинной жизни русскаго народа.

По свидѣтельству начальной лѣтописи, Русская Земля издавна имѣла свой *нарядъ*, жила по обычаямъ своимъ и по законамъ отцовъ своихъ, жила, какъ поетъ чешская пѣсня XI вѣка, *по правдѣ и по закону святу, юже примесеку отци нашимъ*. Эта—жизнь по правдѣ, которую народъ относитъ ко времени свѣтлаго князя Владиміра, подобно тому, какъ Кельты уносятъ въ своихъ воспоминаніяхъ къ королю Артуру, или Анло-саксы къ доброму королю Гродгару,—представляетъ намъ первые твердые слѣды самобытнаго, свободнаго, исторически развившагося существованія народа.....

Ни *мужиковъ*, ни *крестьянъ* тогда еще не было, а были *люди* *),—имя, которое доселѣ живетъ еще въ южной Руси (*люде*—народъ. Кулишъ, Зап. о Юж. Руси. I, 235)—былъ *народъ*, владѣвшій *землю* и состоявшій изъ *мужей* (Лавр. 93) и *пахарей* (ратай, оратай). Почтенный всеобщимъ уваженіемъ, ратай имѣлъ возможность мирно заниматься трудомъ, братски протягивая руку князу и княжому мужу, и вмѣстѣ съ ними устрояя землю. Князья, *растя*—*матерья*, вели другъ съ другомъ родовые счеты, сѣяли землю крамолами; но пахарь дорого цѣнилъ свое мирное земское значеніе. И вотъ, склонившись предъ мощью оратая, князь Вольга Святославовичъ рѣшается спросить его объ имени-отчествѣ:

*) „Ярополкъ княжа Кыевъ. *Люде* бо Кыяне послаша по нь“ Лавр. 132.

Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именемъ зовутъ,
Какъ величаютъ по отечеству?

На это говоритъ ратай князю таковы слова:

Ай же Вольга Святославовичь!
А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,
Станутъ мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичь!“

Лучше мужи („лѣпше мужи“) держали землю, рѣшали дѣла общему народною думою*), и черты стараго земскаго челоуѣка народъ собралъ въ своемъ Ильѣ Муромцѣ, выразивъ въ немъ сознаніе всей полноты своей духовной и физической мощи. Во главѣ земскаго дѣла стояли совѣщательныя собранія народа, сельскія и племенные, *міры, отца и селмы*. Старѣйшинами-вождями племенъ были *князья, вскормленники* Русской Земли (Лавр. 117), обязанные блюсти ея покой. Въ 1097 г. на Любечскомъ сеймѣ князья говорили: „отъсельѣ имѣемъ ся во едино сердце и блюдемъ Русскыя земли“. Въ 1170 г., на съѣздѣ въ Кіевѣ князья положили: „а намъ дай Богъ за крестьяны и за русскую землю головы своѣ сложити, и къ мученикомъ причтеное быти“. Объ этомъ добромъ земскомъ значеніи древняго князя, кромѣ свидѣтельства памятниковъ, говоритъ и неподкупная народная память. И народъ въ своихъ былинахъ, и пѣвецъ Игоря въ своемъ *Словѣ*, одинаково уносится воспоминаніемъ къ *первымъ русскимъ князьямъ*.....

Расселившись по землѣ и водѣ, весь народъ, съ примыкавшими къ нему инородцами, составлялъ одну землю, жившую однимъ и тѣмъ же земскимъ устроеніемъ, но сообразно съ мѣстными особенностями. Силой, которая тянула другъ къ другу отдѣльныхъ членовъ общей русской семьи,

*) „Деревяне собраша лучшіе мужи, иже деръжаху Деревскую землю.“—Сдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечъ.—Сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ.—Ростовцы и суздальцы *сдумавше вси*.“

было *братство*, сказавшееся особенно въ Новгородѣ, въ народоправномъ характерѣ *братчины*, въ южно-русскомъ обычаѣ *побратимства*, и въ послѣдствіи въ *братствахъ* юго-западной Руси. Братство, община, дѣло мірское, громадское, составляли основу жизни; скопъ былъ дѣломъ государственнымъ, съ цѣлью защиты земли. Всякій *домъ*, носящій у Скандинавовъ прекрасное названіе *tanahheimr*, *minneheimr*, былъ мѣстомъ радости и веселья; подъ кровомъ роднаго очага, обоготвореннаго человѣкомъ, братски сходились русскій и славянинъ, свой родной и иноземець: „ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю“ (Сравни: Лавр. 34)!

Строй земской жизни проявлялся въ томъ веселомъ единеніи народа и князя-государя, которое мы встрѣчаемъ на пирахъ кievской Руси, древней Польши, еще жившей по-славянски (M. Gall. I. 19, XI, 71), въ Чехахъ, и такъ далѣе, во всей Славянщинѣ. Общины и міры, города и села сходились на *ширица*, собирались на *братчины*, *пиры* и *бесѣды*, которыя, по старой памяти, доселѣ еще именуется у народа *почетными* и *честными*. На народный пиръ приглашали князя, на пиръ княжескій собирался народъ. Народная память донесла до нашихъ дней извѣстіе о пирахъ князя Владиміра. Изяславъ и сынъ его Ярославъ осенью 1148 г. давали пиръ Новгороду: „посласта подвойскѣи и боричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ отъ мала и до велика; и тако обѣдавшѣ, веселишася радостію великою и розъидошася въ своя дома“. То же было въ Кіевѣ въ 1152 г.: „Вѣчьславъ же уѣха въ Кіевъ, и ѣха къ святѣѣ Софѣи, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обѣдъ; и Кіаны всѣ“. Въ общій строй жизни входила и церковь, которая учила: „егда творите пиръ, и зовете и братію и родъ и вельможи, или кто въ васъ возможетъ князя звати, и *то все добро есть*, то бо въ свѣте семъ чesътно. Призовите же паче всего оубогую братію, колико могуще по силѣ“ (Опис. слав. рук. кн. II, 3, 89). Всякое мірское дѣло непременно начиналось пиромъ или попойкой, и поэтому въ социальной жизни народа напитки имѣли громадное культурное значеніе. То были изстаринныя ячныя и медвяныя питья, которыя Славяне вынесли изъ своей арійской прародины, и пили съ

тѣхъ поръ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, вырабатывая свою культуру: *брага* (скр. *bgr*, *bhrj*, нѣм. brauen, brüt—варительница пива, потомъ невѣста, фр. brasser), *медъ* (скр. *madh*, *manth*—сбивать мутовкой, *madhu*—медвяный напитокъ, скнд. mjodhr), *пиво* (отъ славян. пити), *эль* (олуй, оловина) и *квасы*, хмѣльной напитокъ, чисто славянскій, обоготворенный у сосѣдей Скандинавовъ въ образѣ вѣщаго Квасира*). Брага называлась *хмѣльной*, пиво *бархатнымъ*, меды *стоялыми*, квасы *медвяными*. Извѣстія объ этихъ питьяхъ идутъ отъ самой ранней поры исторической жизни народа. „Се уже иду къ вамъ“, говоритъ Ольга Древлянамъ, „да пристроите *меды многи* во градѣ“. Ольга пришла, совершила поминки по мужѣ, и „сѣдоша Древляне пити“ (П. С. Л, I, 24). Поставивъ церковь въ Василевѣ, Владиміръ „створи праздникъ великъ, варя 300 проваръ меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многи“ (Лавр. 54). По свидѣтельству новгородской лѣтописи подъ 1016 г., дружина Ярослава такъ говорила князю: „онъ си что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много“. Андрей Боголюбскій „брашно свое и медъ по улицамъ на возахъ слаше“ (Лавр. 150). Какъ увидимъ далѣе, питья эти, не смотря на порушенный уже строй жизни, продолжали славиться своею роскошью вплоть до XVIII вѣка. „А насъ, Россіянъ, писалъ Посошковъ, благословляя благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ; водокъ (настоекъ) у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія (по качеству), и меды у насъ преславныя вареныя, самыя чистыя, что ничѣмъ не хуже рейнскаго, а плохаго рейнскаго и гораздо лучше“ (Соч. Посош. 136). Было въ употребленіи и виноградное вино, извѣстное на Руси еще въ X вѣкѣ (П. С. Л. I, 28), и доступное даже простымъ людямъ**).

*) Подробнѣе въ монографіи „О напиткахъ въ древнѣйшемъ быту славянскаго племени“.

**) Въ софійской лѣтописи подъ 1476 г. записано: „и придоша къ нему (къ моск. царю) Никитины улицы два (старосты) Григорій, Кипріяновъ сынъ, Арбузевъ, да Василей Фоминъ, а явили отъ обоихъ улицъ бочка вина краснаго“. И далѣе: „мнози жити люди стрѣтоша его вси съ виномъ“ (П. С. Л. VI, 201).

рилъ про себя, сколько ему нужно было для обихода; въ нныхъ случаяхъ варили питья семьями, міромъ, и то были *мірская бражка, мірское пиво*, какъ это дѣлалось и у Нѣмцевъ, проживавшихъ въ Новѣгородѣ *). У людей зажиточныхъ заведены были *медуши* (погребѣ), гдѣ стояли бочки медовъ, пиво и иностранныхъ винъ. Въ 1378 г. за рѣкой Пьяной русскіе воины ѣздили безпечно, „а гдѣ наѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху до пьяна безъ мѣры“. Въ Москвѣ, при нашествіи Тохтамыша, „недобріи чловѣци начаша обходить по дворамъ, и износяще изъ погребовъ меды господскіе и упивахуся до великаго пьяна“ (Пам. XII в., 183; IV Новг. 73; П. С. Л. IV, 120). Въ 1146 г. Изяславъ „дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотъницѣ, бретьяницѣ (вм. *бретъяница*, или серб. *бартъеница*, какъ думали другіе С. Отеч. V. III. 63), и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ *погребѣхъ* было 500 берковьсковъ (берковцевъ) меду (около 5,000 пуд.), а вина 80 корчагъ“ (Ипат. 27). Въ *словѣ* XII в. такъ описывалась старинная зажиточная жизнь: „питіе же многое, медъ и квасъ, вино, медъ чистый пѣпьяный питья обнощная съ гусльми и свирѣльми, веселіе многое“ (Изв. Ак. X, 548). Какъ видно изъ Олеарія (1639—1643), богатые погреба домашнихъ питей существовали до второй половины XVII в. „Пиво—говоритъ онъ—сохраняется у русскихъ въ погребѣхъ, въ которыхъ сначала кладутъ снѣгъ и ледъ, потомъ рядъ бочекъ, потомъ опять ледъ и опять бочки, и т. д.; верхъ закрывается соломой и досками, такъ какъ подобныя погреба открываются сверху. Устроивъ такимъ образомъ свои погреба, они опускаютъ бочку за бочкою и пьютъ пиво ежедневно. Сохраняясь въ подобныхъ погребѣхъ, пиво въ продолженіе цѣлаго года остается холоднымъ и притомъ не теряетъ вкуса“ (Олеар., гл. V). Поэтическій образъ такихъ погребовъ сохранился у народа въ слѣдующемъ прекрасномъ отрывкѣ одной быliny:

*) Въ правилахъ нѣмецкой конторы (XIV в.) постановлено было: „кто (изъ нѣмцевъ) остается (въ Новѣгородѣ) до времени варки меда, когда смѣшивается вода, медъ и хмѣль, тотъ долженъ участвовать въ общихъ издержкахъ“.

Какъ водочки сладкія, меды стоялые
Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпяхъ на желѣзныхъ,
Туда подведены вѣтры буйныя;
Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ,
Пойдутъ какъ воздуха по погребамъ,—
И загогочутъ бочки, какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ на заводяхъ:
Такъ отъ того не затхнутъ водочки сладкія,
Водочки сладкія, и меды стоялыя;
Какъ чару пьешь—другой хочется,
Другую пьешь—по третьей душа горить.

(Рув. Сборника).

Какъ всякаго дорогого гостя, такъ и князя, города встрѣчали честію, „съ хлѣбомъ и съ вологою и съ медомъ“, или же, „наливши кубци и рога злещенія съ медомъ и виномъ“, весь городъ своему гостю „честь творилъ виномъ и медомъ“ (П. С. Л. VI, 243, 344). На пирахъ князей, владыкъ и бояръ пили вина, пива и меды изъ драгоцѣнныхъ сосудовъ, серебряныхъ и хрустальныхъ (ib. 85).

При этомъ строѣ жизни, пьянства въ домосковской Руси не было,—не было его, какъ порока, разъѣдающаго народный организмъ. Питье составляло *веселье*, удовольствіе, какъ это и видно изъ словъ, вложенныхъ древне-русскимъ грамотникомъ въ уста Владиміра: „Руси есть веселье пити, не можемъ безъ того быти“. Но прошли вѣка, совершилось многое, и ту же поговорку *ученые* стали приводить въ примѣръ *пьянства*, безъ котораго будто бы не можемъ быти.... Около питья братски сходилъ человѣкъ съ человѣкомъ, сходились мужчины и женщины, и, скрѣпленная весельемъ и любовью, двигалась впередъ социальная жизнь народа, возникали братчины (нѣм. *gilden*), и питейный домъ (корчма) дѣлался центромъ общественной жизни извѣстнаго округа. Напитки, подкрѣпляя силы человѣка, и собирая около себя людей, оказывали, по словамъ Бера, самое благодѣтельное вліяніе на физическую и духовную природу человѣка *).

*) На западѣ высшій періодъ культурнаго значенія вина относится ко времени реформации... die demokratische Periode des Weins, welche wir auch die einfache, natürliche, gesunde nennen könnten, characterisirt sich dadurch

II.

Бортничество и пчеловодство.

Переходя отъ общаго очерка древне-русскаго быта къ изученію его подробностей, именно, къ экономическому значенію напитковъ, мы и здѣсь встрѣтимъ тѣ же самые слѣды самостоятельнаго, самобытнаго развитія народной жизни.

Русская Земля, въ ту минуту какъ открывается ея исторія, представляется намъ переполненною бортными лѣсами (бортями), которые тогда замѣняли пасѣки и пчельники. Бортничество и пчеловодство были однимъ изъ путей колонизаціи земель, вновь занимаемыхъ русскимъ племенемъ, и, такимъ образомъ, вслѣдъ за сохой и топоромъ, рядомъ съ ухажаями и угодыями различныхъ названій, появились и борти, возникали *деревни бортниччи*, населенныя пчеловодами. Бортничество было извѣстно въ областяхъ Новгородской и Псковской, въ Тверской, въ землѣ Муромской и Рязанской, гдѣ особенно славился кадомскій медъ (Кадома извѣстна съ 1209 г.). Вообще поволжскіе Финны (Мурома, Вязьма, Клязьма, Кострома) издавна были хорошими пчеловодами. Затѣмъ бортничествомъ занимались въ Смоленскѣ и Полоцкѣ, въ областяхъ Кіевской и Галицкой. Длугошъ говоритъ про Казимира, что онъ отнялъ у Татаръ (1352) Подолію, богатую медомъ и скотомъ (Hist. X, 150). Польскіе лѣса назывались медообильными: *silva melliflua* (M. Gall. 17). Померанія и Силезія считались странами медоносными (Анон. I. II, 648, 690. Сбор. Погод. IV. 235).

Бортничество составляло одну изъ важнѣйшихъ статей промышленности; бортъ была предметомъ цѣннымъ, и на бортныхъ деревьяхъ вырубали топоромъ *знамя*,—знакъ собственности; за снятіе чужого знамени (раззнаменить бортъ) была установлена пеня. Законы о бортяхъ вошли въ Русскую

dass der Staat sich für die Reinheit des Weins interessirt; dass eine Fülle von Korporationen und Bruderschaften Gesetzmässigkeit in die Gelage bringt und dass Jedermann, vom König bis auf den Bettler und Bummler herab, die heitre Kunst des Zechens treibt, sich zugleich zu geistiger Aufklärung hindrängend. Solche Periode brach in Deutschland zur Zeit der Reformation und mit dem Erwachen der Volkslyrik an. Schultze, Gesch. d. Weins, XX, XV.

Правду. Бортныя ухожья принадлежали народу, князьямъ и монастырямъ. *Княжи борти*, упоминаемая въ Русской Правдѣ, встрѣчаются, начиная съ XII в. (Изв. ак. VHI. V. 354. Доп. I, 4), во Владимірѣ на Клязьмѣ (Ник. лѣт. II, 112—13) и Литвѣ (Лит. Стат. 1529, IX, 5). Въ Московской области, какъ это видно изъ душевной грамоты Ивана Даниловича 1328 г., у князей были бортники, *купленные и оброчные*, которыхъ князья съ точностью раздѣляли между своими наслѣдниками. На бортныхъ земляхъ, отдаваемыхъ изъ-за оброка, приглашали желающихъ садиться на житье въ лѣсу, съ платою опредѣленнаго количества меду (Собр. госуд. гр. I. 74, 76, 77, 79, 80, 81). Въ Московскомъ уѣздѣ въ XIV и XV в., изъ поселеній въ княжескихъ бортныхъ ухожаяхъ и путяхъ образовался цѣлый *бортный станъ* (А. А. Э. I, 72). Радонежское село, со всѣми принадлежащими къ нему деревнями, населено было бортниками (Собр. г. гр. I, 77); на старѣйшемъ пути московскихъ князей стояло село Добрятинское *при добрятинской борти* (ib. 34). Князья жаловали монастыри и духовенство бортями и свободой отъ бортныхъ пошлинъ. До насъ дошли подобныя жалованныя грамоты князей рязанскихъ (А. И. I, 2, 14; Пискар. 5, 8), Ростислава Мстиславича Смоленскаго (Д. А. И. I. 4), Всеволода Мстиславича (Изв. А. Н. VIII, V, 354), князей полоцкихъ, и т. д.

На дальнемъ сѣверѣ пчеловодство завели, по преданію, св. Зосимъ и Савватій Соловецкіе, и признаны были распространителями и покровителями бортей и пчелъ по всей Русской Землѣ. Подобнымъ образомъ въ Муромской землѣ пчеловодство вошло въ легенду о Петрѣ и Февроніи Муромскихъ. Обширное занятіе пчеловодствомъ вызвало у народа особый молитвенникъ, въ родѣ цѣлаго молебна объ изобиліи и храненіи пчелъ въ ульяхъ пчеловода (Щаповъ, Истор. оч. міросоз. I. 50), и цѣлый рядъ повѣрій о святости пчелы, *божей птички*, и меда (Аван. Поэт. воззр. I. 381). Искусственное разведеніе пчелъ начинается съ XIV вѣка, когда въ югозападной Руси упоминаются *пасики*, а въ сѣверовосточной *пчелы*, т. е. ульи (Арист. Пром. Др. Руси 32).

Исторія русской торговли медомъ идетъ отъ глубокой старины. Скиѣскіе купцы, по свидѣтельству Геродота, еще

до Р. X. высылали за границу медь и воскъ. На памяти исторіи Русь сбывала медь въ дунайскій Переяславль (Лавр. 23), въ Грецію (П. С. Л. I, 26, 28), къ Хозарамъ (Ibn. Fozl., 71), и на дальній западъ (Weinh. Die deutsch. Fr. 319; Погод., Истор. сбор. IV, 236). Новгородъ велъ обширную торговлю медомъ и воскомъ (П. С. Л. III, 15, 49, 170, 209; Кар. III, пр. 248), и при Ярославлѣ былъ особый классъ купцовъ, торговавшихъ воскомъ и называвшихся *вощниками*. Рыночная цѣна меду въ 1170 была 10 кунъ (куна=6²/₃ коп.), что считалось очень высокою цѣною: „бысть дорогвь въ Новгородѣ“ (Новг. 15). Въ перемирныхъ грамотахъ Новгорода съ лифляндскимъ магистратомъ 1481 и 1493 г. указываются нѣкоторые обычаи, соблюдавшіеся при торговлѣ воскомъ: „а на Ругодевь Ругодньскимъ весцомъ у купчинъ новгородскихъ воску не колупати, а хто съ нимъ сторгуеть, ино тому уколупити мало и вощано и вѣсь капи спустити съ новгородскими капами, а вѣсити въ реть по крестному цѣлованію, а имати отъ воздыма отъ скалового какъ идутъ шкилики противъ трейденого“ (Сбор. Мух. 41, 50). Но если Нѣмцы иногда колупали воскъ, то русскіе съ своей стороны отпускали воскъ нечистый, ставили на немъ фальшивыя клейма. (Gesch. d. Hans. Bund. I, 189—198; II, 428—454). Псковъ также велъ обширную торговлю медомъ и воскомъ. Въ 1287 г. псковичи отняли у иностранныхъ купцовъ 63 капи воску, а капъ равнялась 163 нынѣшнимъ фунтамъ. (Арист. Пром. Др. Руси. 203). Въ смоленскомъ договорѣ 1229 г. было постановлено, что Нѣмчинъ обязанъ былъ платить „отъ двою капию воску вѣсцю куна смоленская“ (Собр. г. грам. II, 1). Вѣсь вощаной, доставлявшій большія выгоды, Всеволодомъ (1126—1135) отданъ былъ въ Новгородѣ церкви Ивана на Опокахъ. „Даю, говорилъ онъ, светому великому Ивану отъ великимѣнія на строеніе церкви и въ вѣкы вѣсь вощаный, а въ Торжку (даю)—пудъ вощаной,—а вѣсити имъ въ притворѣ светого Ивана“. Изъ всего этого вѣса шель разнымъ лицамъ громаднѣй по тому времени доходъ, 78 гривенъ и 25 пудъ меду, а всего съ расходомъ на церковь 95 гривенъ, что составляло пошлину съ 23,750 пудовъ воска. По словамъ Шильдбергера, описавшаго свое путешествіе на востокъ въ

концѣ XIV и началѣ XV вѣка, изъ южныхъ пристаней Русской Земли воскъ шель въ Венецію и Геную (Кар. V, прим. 215). По словамъ другихъ иностранцевъ, весь сѣверо-востокъ Русской Земли въ XV и XVI в. изобиловалъ медомъ: Барбаро (1436) говоритъ, что рязанская земля была богата медомъ (Библ. ин. писат. 59). „Московія, пишетъ Кампензе (1537 г.), очень богата медомъ, который пчелы кладутъ на деревьяхъ безъ всякаго присмотра. Нерѣдко въ лѣсахъ попадаютъся цѣлые рои сихъ полезныхъ насѣкомыхъ, сражающихся другъ противъ друга на большомъ пространствѣ. Поселяне, которые держатъ домашнихъ пчель близъ своихъ жилищъ и передаютъ въ видѣ наслѣдства изъ рода въ родъ, съ трудомъ могутъ защищать ихъ отъ нападенія дикихъ пчель. Сообразивъ это обиліе меду и лѣсовъ, неудивительно, что все то количество воска и жидкой и твердой смолы, которое употребляется въ Европѣ, равно какъ и драгоцѣнные мѣха, привозятся къ намъ чрезъ Ливонію и изъ московскихъ владѣній“ (ib. 31). То же повторялъ Павелъ Ювій (1537): „самое важное произведеніе московской земли есть воскъ и медъ. Вся страна изобилуетъ плодоносными пчелами, которыя кладутъ отличный медъ не въ искусственныхъ крестьянскихъ ульяхъ, но въ древесныхъ дуплахъ. Въ дремучихъ лѣсахъ и рощахъ вѣтви деревъ часто бываютъ усяны роями пчель, которыхъ вовсе не нужно собирать звуками рожка. Въ дуплахъ нерѣдко находятъ множество большихъ сотовъ стараго меду, оставленнаго пчелами, и такъ какъ поселяне не успѣваютъ осмотрѣть каждаго дерева, то весьма часто встрѣчаются пни чрезвычайной толщины, наполненные медомъ. Веселый и остроумный посоль Димитрій рассказывалъ намъ для смѣха, какъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло. Тщетно ожидая помощи въ уединенномъ лѣсу, онъ въ продолженіе двухъ дней питался медомъ, и, наконецъ, удивительнымъ образомъ выведенъ былъ изъ сего отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который, подобно людямъ, будучи лакомъ до меду, спустился задними ногами въ то же дупло. Поселянинъ схватилъ его руками сзади и закричалъ такъ громко, что испуганный медвѣдь поспѣшно выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ